

Кросс-культурный герой в романе К. Исигуро "Остаток дня»

В связи с развитием мирового языкознания, язык уже не рассматривается «сам по себе», созрела потребность исследовать язык в парадигме с познавательной точки зрения. Именно эта научная парадигма и породила необходимость ставить новые цели для изучения языка, создавать новейшие методики для его описания, искать современные подходы для анализа языка [Маслова 2001]. Не подлежит сомнению, что основным способом выяснить, каким образом язык взаимосвязан с познанием, являются концептуальные исследования, стоящие на стыке двух наук, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [Кондратьева 2011].

В данной статье исследуется образ главного героя романа Кадзуо Исигуро «Остаток дня». Созданный на перекрестке различных культурных парадигм, роман принадлежит к пространству мультикультурной литературы, которая все больше привлекает к себе внимание исследователей. Писатели-мультикультуралисты являются носителями уникального мировоззрения, поскольку особая межкультурная чувствительность, возникающая вследствие культурного наслоения, порождает качественно новый тип творчества. Именно к такому поколению писателей принадлежит творчество современного английского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро. Особое положение гибридного автора, которого нельзя отнести ни к генерации японских, ни к генерации английских писателей, порождает неповторимый авторский стиль, сочетающий в себе лучшие черты обеих культур. На наш взгляд, в образе главного героя анализируемого романа можно выделить этнокультурные единицы, свойственные как японцам, так и англичанам. Хотя ряд исследователей обращает внимание на исключительно английскую составляющую романа, автор на самом деле создает кросс-культурный образ. Английский характер письма проявляется в обращении к характерным чертам, присущим «типичному англичанину», которые берут свое начало со времен викторианского романа. Это, прежде всего, такие качества, как преданность, трудолюбие и целеустремленность. Так, восточный элемент образа Стивенса проявляется посредством обращения к восточной философии буддизма и воплощения основных принципов кодекса японских воинов-самураев. Впрочем, выделить составляющие каждого национального характера в романе тяжело, поскольку национальная идентичность англичан и японцев обладает общим набором атрибутов, которые формируют «промежуточное пространство» романа. В процессе игры автора с устойчивыми представлениями о типичных англичанах и японцах происходит развенчивание определенных

этнокультурных стереотипов. Однако жонглирование стереотипами не является самоцелью, а скорее служит вспомогательным средством раскрытия авторской философии, согласно которой психология дворецкого является не национальным, а общечеловеческим признаком. Ключевые слова: Кадзуо Исигуро, мультикультурализм, кросс-культурный герой, английскость, японскость, бусидо, хагакурэ.

Роман современного английского писателя японского происхождения К. Исигуро "Остаток дня» («The Remains of the Day", 1989) исследователи долгое время называли «сугубо английским». Такой мнения, в частности, придерживались Д. Лодж [11] и В. Сим [13]. Однако впоследствии стало понятно, что данное произведение является на самом деле довольно сложным художественным явлением межкультурного синтеза, преодолевающего границы национальной литературы и продуцирует качественно новый тип творчества. Создан на перекрестке полярных культурных парадигм и литературных традиций, роман "Остаток дня", несмотря на чисто английский сюжет, является уникальным примером сочетания западного и Восточного мироощущения, воплощенного в образе кросс-культурного персонажа. Главный герой романа, дворецкий Стивенс посвящает свое жизнь одной единственной цели-исполнению профессиональных обязанностей-игнорируя одновременно собственные убеждения и чувства. Гиперболизированная преданность Стивенса, которая проявляется в безоговорочном и бездумном исполнении всех

прихотей лорда Дарлингтона, дает основание утверждать, что под маской «типового англичанина» писатель скрывает настоящего самурая, готового пожертвовать собственной жизнью ради хозяина.

Целью нашей работы является исследование образа главного героя в романе К. Исигуро " Остаток день». Поставленная цель предопределяет решение следующих задач: определить в характере и поведении героя черты, присущие самураям, опираясь на канонические японские трактаты о кодекс чести самураев («Хагакуре " Ц. Ямамото и "Бусидо. Душа Японии " И. Нитобе); проанализировать соотношение и особенности сочетания английских и японских компонентов в образе дворецкого Стивенса; прокомментировать авторскую интерпретацию самурайского кодекса, перенесенного в европейский культурный контекст. Отметим, что этот аспект творчества К. Исигуро уже стал предметом исследования таких ученых, как О. Нестеренко [5], А. Стомба [7] и О. Усенко [8]. Однако отсутствие комплексного анализа образа главного героя романа сквозь призму японской культуры предопределяет актуальность нашего исследования. За основу для выполненного анализа были выбраны японские трактаты XVII и XIX веков соответственно, посвященные

кодекса чести самурая - » Хагакуре " Цунетомо Ямамото [9] и " Бусидо. Душа Японии " Инадзо Нитобэ [6]. Фактически трактат Цунетомо Ямамото - это свод правил, которых должен придерживаться настоящий японский воин. В свою очередь, труд Инадзо Нитобе посвящена не только описанию японского военного искусства, но и принципам традиционной японской морали и этики, что повлияли на формирование национального характера и мировоззрения японцев.

В первую очередь, стоит отметить, что в жанровом плане роман является действительно " сугубо английским", поскольку принадлежит к жанру «романа английской идеи», который возникает в конце XX века как реакция на Мультикультурные тенденции в литературе и имеет по цель осмысления английской идентичности. На первый взгляд кажется, что роман действительно посвященный феномену английскости: действие происходит в традиционном английском поместье, а образ главного героя соответствует образу » типичного англичанина", сформировавшегося в представлении человечества. Таким образом, обращение автора к английской литературной традиции нуждается осмысление нами такого понятия, как "английскость". По мнению современного лингвокультуролога Э. Матузковой,

"английскость" - это " самое широкое, самое расплывчатое, наиболее часто употребляемое нетерминологически, склонное к метонимизации понятие», поэтому неслучайно, что «это слово в большинстве случаев в тексте берется в кавычки» [3, с. 94]. В свою очередь, М. Меркулова и Е. Сатюкова отмечают, что «английскость " как литературная категория – это концепт национальной ментальности англичан в художественном творчестве писателей. В литературном произведении "английскость" может актуализировать национальную ментальность как «своего», так и «чужого» «я» автора или героя. В художественной картине «английскости» писателей можно выделить такие общие черты, как хорошее знание классической английской литературы, романтично-ироничное отношение к культурному прошлому и исторического наследия англичан [4, с. 225]. По мнению С. Кончаковой, «английскость» корнями уходит эпоха викторианства, откуда унаследовала такие фундаментальные для английского литературной традиции мифологемы, как " дом», «свобода», «частная жизнь», «здравый смысл», «чувство юмора», «джентльмен», «честная игра», "храбрость», " традиция или наследство " [1, с. 11]. Следует заметить, что репрезентация этих мифологем может разниться в зависимости от того,

является ли автор произведения "коренным" англичанином. Да, М. Меркулова и Е. Сатюкова считают, что национальность и мировоззрение писателя существенно влияют на концепцию «английскости» в литературе и выделяют три наиболее характерные модели «английскости» в текстах авторов «коренных» англичан, что пишут на родном языке, британцев с неанглийскими корнями, пишущих «малой английской» иностранцы пишут на английском или родном языке о Англию или англичан [4, с. 224]. Творчество К. Исигуро соответственно относится ко второй группе писателей.

В творчестве британцев иностранного происхождения "английскость" воспринимается достаточно неоднозначно. Им свойственно " отсутствие целостности восприятие, условность, выраженная или скрытая конфликтность, ирония» [4, с. 224]. Таким образом, "английскость" в данном случае является скорее философской категорией, чем реальностью, в которой вынужденные существовать герои. Кроме вышеупомянутых рис, современные англоязычные писатели нередко прибегают к изображению в «английских» произведениях и образа "типичного англичанина", который имеет много общего с героями японской литературной традиции.

Прежде всего, отмечает Е. Коршунова, английский литература изображает англичан «сдержанными в

своих эмоциях и чувствах, невозмутимыми, непроницаемыми, обладающими ледяным спокойствием и непоколебимым самообладанием» [2, с. 99].

Однако чрезмерная непроницаемость несет определенный негативный оттенок, ведь она может ввести читателя в заблуждение и быть воспринята как холодность и безразличие характера.

Стоит заметить, что одной из самых распространенных черт "типичного англичанина" являются настойчивость, которая является ведущей чертой характера главного героя романа К. Исигуро. Литературные англичане готовы на все, лишь бы достичь поставленной цели, даже если путь этот будет полон различными трудностями, даже если они должны делать то, что им не по душе. При этом, особой формой целеустремленности, добавляет Е. Коршунова, есть " абсурдное, такое, что выходит за любые пределы, одержимое желание достичь того, что однажды было задумано» [2, с. 99]. Однако подобное поведение свойственно и героям японской литературной традиции, хотя и регламентируется в данном случае несколько иным сводом правил, а именно самурайским кодексом «бусидо».

Слово «бусидо» дословно переводится как «путь рыцаря». Это неписанный кодекс поведения японского воина в обществе, сборник правил и

норм «истинного», «идеального» воина, философия, которая своими корнями уходит в глубины истории [9, с. 4].

Истоки этой философской системы, по мнению Инадзо Нитобэ, стоит искать в буддизме и синтоизме. Что касается синтоизма, то его принципы поддерживают две главные черты эмоциональной жизни японцев: патриотизм и преданность. Буддизм, в свою очередь, "дает ощущение спокойной веры к судьбе, тихое усмирение перед неизбежным, стоическое самообладание в опасности или беде, пренебрежение к жизни и принятие смерти» [6, с. 29].

Цунэтомо Ямамото в трактате "Хагакуре» перечисляет ряд принципов, которых имеет соблюдать настоящий самурай: верность, преданность и доблесть. В первой главе Цунэтомо Ямамото отмечает, что путь воина – это путь слуги: "быть слугой значит следовать за своим хозяином, доверяя ему решать, что есть добро, а что-зло, одновременно отрекаясь собственных интересов " [9, с. 17]. Именно такой модели поведения придерживается Стивенс. Он слепо доверяет своему хозяину. Да даже, когда обычный человек оказал бы сопротивление, Стивенс выказывает повиновение. Так, наглядным является эпизод, когда увлечен модными в то время идеями фашизма лорд Дарлингтон заставляет дворецкого уволить двух горничных лишь из-за того, что они были

еврейками. Стивенс молча подчиняется его решению, ведь верит, что главная обязанность дворецкого быть преданным всем сердцем и душой своему хозяину: «Все, что ты делаешь, надо выполнять ради своего хозяина и родителей, всего человечества и потомков» [9, с. 52]. Стоящий внимания и тот факт, что на первом месте для самурая должен стоять хозяин, а не родители. Для Стивенса, как и для японского воина, первоочередным является благо хозяина. Так, например, Стивенс в момент смерти своего отца даже не навестил его, ведь профессиональный долг для он выше отцовского. Главный герой решает проблему во вполне синтоистском ключе: "Если на первое место поставить своего хозяина, то отцы обрадуются, а боги да Будды одобрительно отнесутся к этому» [9, с. 20]. На пользу безоговорочной преданности говорит и немногословность главного героя. Реплики Стивенса в диалогах с лордом Дарлингтоном сводятся к минимуму. Именно такая немногословность свойственна и настоящему самураю. Воспоминания одного из таких самураев приводит в качестве примера Цунетомо Ямамото: "Я старался лишней раз не раскрывать рта, но если было что-то такое, чего я не мог выполнить без слов, то я пытался урегулировать все,

пользуясь одним словом вместо десяти " [9, с. 43]. Если предположить, что главный герой является олицетворением настоящего воина, возникает вопрос, каким образом К. Исигуро изображает доспехи, ведь без доспехов невозможно представить настоящего воина. Автор решает данный вопрос необычным способом, соотнося доспехи и оружие воина со столовым серебром: «...самураи <...>, независимо от обстоятельств, уделяли внимание своему внешнему облику. Даже и не стоит вспоминать о том, что все их оружие и доспехи протирались, смазывались, натирались до такой степени, что аж сияли, и держались в порядке» [9, с. 30-31]. Стивенс доводит чистку серебра до абсолюта, о чем свидетельствует детальное описание процедуры. Особого внимания также заслуживает тщательный подбор слов, которыми пользуется главный герой, как вот фраза «занять свои позиции», которую Стивенс использует во время подготовки к приему и которая в свою очередь вызывает ассоциации с военной службой. Стивенс осознает себя настоящим главнокомандующим, которому необходимо придумать план действий, чтобы быть в постоянной готовности и просчитать все возможные неурядицы. Такая черта характера, опять-таки свойственная японскому менталитету: «...все надо подумывать заранее, а когда придет время, использовать готовое решение» [9, с. 25]. С этой точки зрения, Стивенсу

можно извинить и его маленькое увлечение, которого герой чрезвычайно стыдится, – чтение любовных романов – ведь даже оно направлено на одну и ту же цель-уметь правильно действовать в любой ситуации, ведь, как отмечает Цунетомо Ямамото, " чтение книг и беседы с людьми нужны для того, чтобы подготовиться к возможного развития событий " [9, с. 28].

Кроме профессиональной сюжетной линии, в романе присутствует и любовная линия-чувства Стивенса и мисс Кентон друг к другу, которым под гнетом слепому служению Стивенса так и не суждено сбываться. Любовь в исигуровском мире оказывается лишним, поскольку оно лишь бы отвлекало героя от исполнения профессиональных обязанностей. А слуга, как отмечает Цунетомо Ямамото, - это " человек, который двадцать четыре часа в сутки ни на секунду не отвлекается» и все свое свободное время посвящает служению хозяину [9, с. 33].

В довершении читателю даже не приходит на мысль восхищаться поведением главного героя. Стараясь соответствовать образу идеального дворецкого, Стивенс только удаляется от последнего настолько далеко, насколько это вообще возможно, поскольку преданность Стивенса лорду Дарлингтону исчезает в тот

момент, когда его хозяин умирает, ведь вместо этого, чтобы покинуть Дарлингтон Холл и в покое доживать свою жизнь, Стивенс остается в поместья и начинает прислуживать американцу мистеру Фарадею. Если рассматривать этот поступок в контексте самурайского кодекса, то Стивенс предает своего хозяина, поскольку вместе со своим хозяином из поместья должен был уйти и его слуга. Настоящий самурай в данной ситуации поступил бы ритуал самоубийства или сеппуку. Европейцам этот ритуал лучше знаком под названием харакири. Оба слова передаются на письме одинаковыми иероглифами – «резать» и «живот». Самурай должен был осуществить сеппуку, когда сознавал, что его душа больше не может оставаться в теле. А согласно учению дзэн, основным центром человека считается не сердце, а брюшная полость. Таким образом, разрезая живота, воин освобождает душу из тела. Среди причин, что требовали от самурая совершить сеппуку, Цунетомо Ямамото называет «смерть хозяина» и «лишение возможности выполнять свои профессиональные навыки» [9, с. 7]. Таким образом, Стивенс упустил не только свое жизни, но и свой «остаток дня», поскольку ему не хватило смелости признать, что лорд Дарлингтон, которому всю свою жизнь посвятил

главный герой, оказался не достаточно порядочной человеком. Политика примирения и верность джентельменским правилам "честной игры", которых придерживался лорд Дарлингтон и его окружения, оказались неуместными для тогдашнего общества и привели к решению второй мировой войны. Один из исследователей творчества К. Исигуро Г. Масон вполне справедливо называет такой класс людей «самураями <...> которые пытаются ухватиться за устаревший кодекс чести " [12, с. 48]. Да, действительно, главная задача самурая заключается в безоговорочной преданности и служении хозяину как душой, так и телом. Но не менее важным, на мнение Цунетомо Ямамото, есть желание «совершенствовать свой ум, не пренебрегать человечностью и быть храбрым» [9, с. 60]. Именно этими принципами неоднократно пренебрегает главный герой.

Выводы: таким образом, назвать данный роман «чисто английским», как и обвинять автора в потому, что он под маской " английскости» пытается навязать европейцам японские ценности, было бы неуместно. В романе автор путем сопоставления образов " типичного англичанина» и японского воина-самурая приходит к выводу, что между двумя нациями гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд.

Культурный синтез увенчивается выделением таких общих концептов как настойчивость, неистовая преданность и сдержанность, характеризующие героев как английской, так и японской литературной традиции. В результате этого синтеза происходит деконструкция устоявшихся стереотипов и клише о другие национальности и их представителей.

Литература

1. Кончакова с. Проблема национальной идентичности в позднем творчестве Ч. Диккенса :
"Большие надежды», «наш общий друг», "Тайна Эдвина Друда":
автореферат дис. кандидата филологических наук
: 10.01.03. Воронеж, 2011. 24 сек.
2. Коршунова Е. С. "типичный англичанин" как литературный образ.
2011. Вып. № 3 (98). С. 98-101.
3. Матузкова Е. П. про английскость. Вестник ОНУ. Серый. : Филология.
2013. Т. 18, Вып. № 2 (6). С. 94—
101.
4. Меркулова М. Г., Сатюкова Е. Г. "английскость" в отечественном
литературоведении :
теоретическое осмысление и изучение понятия. Гуманитарные
исследования. 2010. Вып. № 4 (36). С. 221-226.5. Нестеренко Ю.С.
элементы японской культуры в романе Кадзуо Исигуро «не отпускай
меня».
Знание. Понимание. Умение. М.: Московский гуманитарный университет,
2015. Вып. № 4. С. 326-334.
6. Нитобе И. Бусидо. Душа Японии. - К.: Арий, 2015. 192 с.
7. Стомба А. С. Образ дворецкого в романе Кадзуо Исигуро «остаток дня»: кросс-культурный

аспект. Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций: сб. наука. работы. Симферополь: "Крымский Архив»,

2012. Вып. № 6. С. 219-229.

8. Усенко А. П. Проблема культурного и языкового реимпорта ранних романов Кадзуо Ишигуро в

Япония. Языковые и концептуальные картины мира. 2013. Вып. 45. С. 255-260.

9. Ямамото Ц. Хагакуре. М.: Издательство " Э», 2016. 160с.

10. Ишигуро К. NY. : Vintage International Edition, 1993. 245 с.

11. Ложа Д. искусство художественной литературы. Иллюстрировано классическими и современными текстами. London : Penguin Books, 1992.

240 С.

12. Мейсон г. вдохновляющие образы: влияние японского кино на творчество Кадзуо Исигуро.

East West Film Journal. 1989. Vol. 3. Pp. 39-52.

13. Семь В. Кадзуо Исигуро. Лондон; Нью-Йорк : Routledge, 2010. 187 с.